

ДОМ НА ХЛЕБНОМ

Бывают в больших, старинных городах такие места, где ткань времени сгущается до предела и стягивается в тугие узлы. Эти точки неизменно всплывают в ключевых сюжетах каждой эпохи, а от событий, которые случаются вокруг них, расходятся круги по всей мировой истории.

Тихий и сдержанный на первый взгляд дом в Хлебном переулке – как раз из таких. Тут очень важно ориентироваться не только в пространстве, но и во времени. Именно эту задачу и призвана упростить наша книга: в ней размечена система координат, из которых складывается аура, обаяние – или, выражаясь современным языком, идентичность этого места.

Здесь, на пересечении многих путей, хочется строить жизнь по лекалам прежних лет, когда люди, не чураясь прогресса, ценили во всем прежде всего элегантность, размеренность и верность кодексу чести. Именно ради этого мы преобразили дом, выстроенный в 1913 году по проекту заслуженного мастера Ольгерда Пиотровича. Сделали его таким, чтобы сегодняшние достижения инженерии и технологий сочетались с элегантностью и аристократизмом прошлого. Каким образом – тоже рассказано в этой книге.

ВСТУПЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ КВАРТАЛА:
ОТ ПЕРВЫХ УПОМИНАНИЙ В ХРОНИКАХ
ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Тихие и степенные окрестности Новарской ушны и Хлебного переулка — узловая точка, где сошлись все главные пути русской литературы и архитектуры, связались в тесный узел важнейшие исторические сюжеты, переплелись нехотевшие судьбы крепостных и артистократов, коллекционеров и революционеров, резидентов и инженеров. Впрочем, на этом небольшом отрезке удивительным образом сосредоточились шедевры всех лучших архитектурных стилей.

Место было стратегически важное: здесь к стенам Кремля подбиралась одна из главных торговых дорог — Волоцкая; она существовала с первых лет основания Москвы, а в районе нынешней Армянской площади пересекалась с дорогой Смоленской. Владетельские князья и великочи проезжали тут не и дело, не ступают на стонам ворики парам только в 1565 году, когда Иван Грозный велел эти земли в опричнину и раздал придворным: под стенами Псковской монастыря — там, где сейчас торговый пассаж, — в Крестной слободе поселились царские есаулы, в Псаринской — пекари, в Прудиной — портники и трубачи; о них на память остался Прудиновский переулок.

У нас у нас в этих краях названия — новорязские. Когда отменили отмену, сюда перебрался Симоний двор, отработавший за царский стол — повара, хлебопеки, мясники, скатертишники, ножовщики и рашишники; к концу правления Пётра их было 477 человек, во времена Алексея Михайловича, существует статистика — числительное 350 дворов. От каждой специальности осталось по парочку, и только рашишники не повезло — их хозяйство сконцентрировано в сфере с лица земли при строительстве 9 школ. Придворным хлебопекам досталось место по берегам реки Чертохой — от тех параллельно помещику Мерзляковскому переулку, но теперь уже затоплен в трубу.

Сибирские дворы появились во тех пере, пока Пётр I не перенёс столицу в Петербург — тогда место ремесленников заняли купеческие дома и дворянские усадьбы. Единственным следом восточных времён осталась церковь Симеона Старица (1679), чудом доживший до наших времён памятник парижского барокко; остальные церкви в этих краях канули в 1930-х.

Как здесь все выросло в XVIII столетии, удобнее всего представлять себе по заказу Долгоруковых-Самойлов, или Корнуса виллы, расположенной на территории от Покровской до Большой Никитской близ Садового кольца: главный дом — в глубине, на подступах к отдаленной от проезжей части; к улице подбираются бесчисленные хозяйственные пристройки и флигели. За заказом настолько прочно утвердилась репутация славянки старой Москвы, что ее записали в прототипы дома Ростовых из «Войны и мира» — и даже повесили мемориальную доску.

Меня там настоящие, немиллионные обитатели дома Долгоруковых тоже были непросты: после смерти Трибунцова тут коротала дни не вдова, Нина Чаквадзе; в середине XIX века имение перешло к ординарцу и коллекционеру, барону Фреду Каммеру, и прослыла музеем средневековых древностей; собрание до самой революции брал художник Федор Самойлов. Все это время здание, разумеется, непрерывно перестраивалось, так что со времен основания до нас почти ничего не дошло.

Зато по адресу Хлебный переулок, дом 2/3, сохранился редчайший памятник — настоящий, почти петропавловский образец допетровского московского классицизма — усадьба Капитана-Забельна (1770-1778), где вырос верно актуальный сатирик Михаил Евграфович Салтиков-Шчедрин; теперь там с античной античной занимает институт США и Канады.

Заведомо эти ужимки, равно как и всеми императорскими сценами, князь Сергей Сергеевич Тарарин, в юности — блестящий сержант, в преклонном возрасте — преданный муж красавицы-полочки Надежды Васильевны и театральный реформатор, который все продажу билетов на отдельные спектакли вместо привилегий артистам абонементов. Мил Тарарин в один из красивейших домов Москвы — античная галерея, восстановлена в 1829-30 году Давидом Шварцманом; это нынешний Институт мировой литературы на Покровской, 25.

От парад канцелярии Трубева, где в 1768 году квартировал, кутими и сплетни все наследство молодой Державин, не осталось и следа — все написанное в те дни почти исчезло, а на месте каменной постройки XVIII века с крепостными театрами вырос Верховный суд. Впрочем, до суда тут все же располагалось театральное ужище.

После смерти князя дни отошли императорскому коннозаводству; несколько лет им завел мир старшей дочери Пушкина, генерал Леонид Таршун, копивший жизнь трагически: отравившись отравленным обвинением в хищениях, он застрелился прямо в зале суда.

Еще об одной театрально-аристократической истории напоминает храм Симеона Станника: здесь в 1801 году граф Николай Петрович Шереметев тайно обвенчался с актрисой крепостного театра, Прасковией Ивановной Мещуровой; свидетелем у пары был архитектор Джакомо Кваренци.

Потомок древнейшего аристократического рода Шереметев любил Мещурову всю жизнь и специально для нее построил театр в своей усадьбе Востанкино, но впоследствии разрешился на брак добывая лишь к тому моменту, когда небуца вынуждена была из-за туберкулеза оставить сцену.

В 1803 году, не перенеся родов, Мещурова умерла, а в память о ней безумственно мир основал франкофильский дом — пенсияный институт Сильфеевского.

В завещательном письме епископ граф специально сообщил: «Я писал к ней губоватания самые нежные, наблюдая украшенный добродетелью разум, искренность, ревностную любовь, постоянство, верность. Эти качества заставят меня пожать светское предубеждение и избрать ее моею супругою».

Там же счастливый образ сложилась судьба драматической артистки и оперной прима Надежды Ринской: она вышла замуж за композитора и главу оперной труппы Большого и Малого театров Алексея Николаевича Верстовского, автора романтической оперы «Аскольдова могила» на либретто Залозкина — самого популярного национального композитора всего времени, затмившего славу обеих опер Глинки. Пара обитала в особняке 1815 года постройки по адресу Хлебный переулок, 28, — в нынешнем нидерландском посольстве.

В узлах же про Поварскую середины XIX столетия путешественники выказывались восторженно: «Нет улицы, которая была бы так пряма и ровна, как сия. На ней нет вычужденных зданий, но она очень красива».

Литературные воспоминания в окрестностях Поварской возникают буквально на каждом шагу, и если Державин бежал отсюда без оглядки, то более поздние авторы жилали и гостили подолгу, с большим удовольствием. Лермонтов, к примеру, провел тут почти всю жизнь: рос он на Поварской, 24, затем на Поварской, 26, а в конце концов бабушка поэта, Елизавета Алексеевна Арсеньева, сняла деревянный особнячок с мезонином на Малой Молчановке, 2: там Лермонтов начал писать стихи, посвящая их двум прекрасным соседкам – вначале Варваре Лопухиной, потом Наталье Ивановой.

Пушкин здесь не жил, зато впервые читал «Полтаву» в квартире друзей, на Поварской 27, а Гоголь, чьи последние дни прошли в усадьбе Толстых на Никитском бульваре, ежедневно молился в церкви Симеона Столпника; в ней же венчался 25-летний Сергей Аксаков и выходила в первый раз замуж будущая жена Булгакова, Елена Сергеевна Нюрнберг (писатель был у нее третьим супругом).

На Поварской, 11, до самой смерти квартировал автор «Ледяного дома» Иван Иванович Лажечников (впоследствии туда переехало издательство «Советский писатель»); на Поварской, 26 последний год перед эмиграцией провел (в квартире родителей жены) Иван Алексеевич Бунин, а этажом выше обретался никуда не уехавший и расстрелянный в 1938 году Борис Пильняк. Буквально дверь в дверь, на Поварской 26, поэт Юргис Балтрушайтис, служивший в диппредставительстве Литвы, отправлял в спасительную зарубежную командировку умиравшую от голода дореволюционную звезду – Константина Бальмонта, который в свой последний московский год часто бывал у Цветаевой, в Борисоглебском переулке е, 6. А в особнячке 1814 года постройки по адресу Поварская, 48 гостил у братьев Нарышкиных автор «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» Александр Дюма.

НА РУБЕЖЕ XX ВЕКА

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ И ОЩУЩЕНИЯ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

По мере того как XIX столетие подходило к концу, в окрестностях аристократических Поварской и Хлебного появлялось все больше жильцов происхождения попроще. Стремясь самоутвердиться на фасонных улицах, они вовсю украшали свои дома и пускались в отчаянные архитектурные эксперименты.

Образец невероятно изящной неоклассики – нынешнее бельгийское посольство с меланхолическими львами у входа, бывшая усадьба бумажного фабриканта Грибова, построенная в 1909 году Борисом Великовским. Ее адрес – Хлебный переулок, 15

ГОРОДСКАЯ УСАДЬБА В.Н.ГРИБОВА
ХЛЕБНЫЙ ПЕРЕУЛОК, 15

ХЛЕБНЫЙ ПЕРЕУЛОК
ОТ УГЛА ЧАШНИКОВА ПЕРЕУЛКА

Блестящим примером может служить особняк по адресу Поварская, 9. В городских легендах он фигурировал с 1830-х: тут жила фаворитка всесильного министра Аракчеева, Варвара Петровна Пукалова, вдова обер-прокурора синода. Гадалка однажды предсказала, что она умрет ночью, в своей постели, и мадам Пукалова отчаянно пыталась убежать от судьбы: от заката до рассвета устраивала балы, приемы, партии в преферанс. Но миновать кончины не удалось, особняк пошел по рукам, и спустя несколько десятилетий оказался в распоряжении Елизаветы Дункер, дочери известного коллекционера Боткина. Та затеяла перестройку по последней моде: завела паровое отопление, электричество и даже лифт (каталась с первого этажа на балкон второго), а панно и плафоны в холле заказала Михаилу Врубелю (правда, результата не оценила).

ДОМ АРАКЧЕЕВА
ПОВАРСКАЯ УЛИЦА, 9

ПОВАРСКАЯ УЛИЦА
ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА

Более удачно сложилась история с украшением особняка Сергея Соловьева на углу Хлебного переулка и Малого Ржевского, где продумана каждая деталь, от мозаичных инкрустаций на фасаде до распластавшей крылья летучей мыши на почтовом ящике. Неудивительно – владелец и автор был архитектором, а дом служил одновременно мастерской и рекламой: сюда долгое время водили восторгаться иностранных коллег, пока после революции шедевр не реквизировали под представительство Закавказской республики. Впрочем, дом Соловьева и тут не ушел в тень: Булгаков поселил тут свою Маргариту, а Татьяна Лиознова взяла эту изящную архитектурную игрушку на роль штаб-квартиры гестапо – здесь в «Семнадцати мгновениях весны» допрашивали радистку Кэт.

ДОМ СОЛОВЬЕВА НА УГЛУ ХЛЕБНОГО
И МАЛОГО РЖЕВСКОГО ПЕРЕУЛКОВ

ГОСТИНАЯ В ДОМЕ СОЛОВЬЕВА
М.РЖЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, 6

ИНТЕРЬЕР КАБИНЕТА
АРХИТЕКТОРА СОЛОВЬЕВА

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК ДОМА СОЛОВЬЕВА
М. РЖЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, 6

М. РЖЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Едва ли не первый в Москве опыт со стилем модерн был произведен тоже здесь: потомственный почетный гражданин, благотворитель и чудака Моисей Саарбеков в 1899 году заказал себе особняк с конторой у будущей архитектурной звезды – Льва Кекушева (по легенде, купец еще и заасфальтировал улицу перед домом – чтобы пыль не летела в окно, пока хирург будет извлекать ему из желчного пузыря камни; лечиться в больницу Саарбеков отказался наотрез).

Но дом 24 по Поварской был достаточно скромным и робким экспериментом по сравнению с особняком Миндовского на Поварской, 44 (1903-4), где Кекушев по-настоящему развернулся.

ОСОБНЯК СААРБЕКОВА
АРХИТЕКТОР: Л. Н. КЕКУШЕВ
ПОВАРСКАЯ УЛИЦА, 24

ОСОБНЯК ИВАНА МИНДОВСКОГО
АРХИТЕКТОР: Л.Н.КЕКУШЕВ
ПОВАРСКАЯ УЛИЦА, 44

ПОВАРСКАЯ УЛИЦА

ПОВАРСКАЯ УЛИЦА

ОСОБНЯК И. И. НЕКРАСОВА НА УГЛУ
МАЛОГО РЖЕВСКОГО И ХЛЕБНОГО
ПЕРЕУЛКОВ

Словосочетание «доходный дом» ассоциируется в первую очередь с нарядной многоэтажной застройкой конца XIX – начала XX века. Между тем идея строить дома на несколько квартир, чтобы сдавать их в аренду по частям и на этом зарабатывать, начала укореняться в Москве как минимум сотней лет раньше. В 1785 году два купца, А.И.Павлов и Н.С.Калинин, заказали знаменитому зодчему М.Ф.Казakovу трехэтажную постройку с портиком и аркадами, которую собирались сдавать по частям – под лавки, квартиры и учреждения. Стена разделяла владения двух собственников пополам, но с течением времени половинки изменились почти до неузнаваемости – теперь это дома 8 и 10 на Ильинке. Ученик Казакова, Осип Бове, вошедший в историю как автор Манежа, Театральной площади и типового проекта послепожарной реконструкции дворянских усадеб -- так называемых «бовешек», -- тоже отметился в доходном жанре: в 1816 году он построил для книготорговца И.П.Глазунова большой трехэтажный дом, где нижний этаж отводился под лавки с отдельными входами, а в верхние этажи были разбиты на небольшие квартиры; из галерей, предусмотренных со стороны двора, в каждую вел отдельный вход – сдавались они по отдельности.

Но всерьез доходные дома получили распространение только в 1870-е. С этого момента начался настоящий бум, продолжавшийся до 1914 года, то есть до того момента, как разразилась Первая мировая война. Строили частные лица и акционерные общества, крупные промышленники и предприниматели средней руки, учебные заведения и монастыри.

Волна, разумеется, поднялась не сама по себе: тому существовало несколько важных причин. В силу развития экономики у людей появлялись свободные капиталы, которые надо было во что-то вкладывать. Надежных данных по срокам окупаемости и прибыльности доходных домов не сохранилось, но о выгоды подобных вложений говорит хотя бы тот факт, что одним только летом 1911 г. в Москве было построено около 3000 доходных домов высотой от 5 до 7 этажей; с изобретением лифтов верхние этажи с панорамными видами из богемных мансард превратились в самые престижные резиденции. Важно, что городские власти полностью брали подготовку участков на себя: прокладывали водопровод, канализацию, позднее – электрокабели, благоустраивали окружающую территорию. Затраты с лихвой окупались арендой участка и налогами, собранными с домовладельцев (в 1913

году из 47,6 млн рублей городского дохода 7 млн вносили именно собственники доходных домов). Вдобавок, ученым и врачам, писателям и инженерам, художникам и студентам, не имевшим фамильных особняков, надо было где-то селиться; многие не могли или не хотели покупать жилье, но готовы были его снимать, особенно если собственник гарантировал комфорт, свет и отопление. Дома строились и для процветающих граждан, занимавших апартаменты в 10-12 комнат, и для рабочей бедноты. Вне зависимости от клиентуры, собственники состязались, оформляя фасады и холлы один эффектнее другого.

На доходных домах делали карьеры звезды модерна – Л.Н.Кекушев, Ф.О.Шехтель. За многоэтажные постройки, которыми Поварская начала обрастать в 1910-х, тоже отвечали не последние люди: здание под номером 22 проектировал Роман Клейн, автор Пушкинского музея и магазина Мюр и Мерилиз, нынешнего ЦУМа. Со стройки Музея изящных искусств попал на Поварскую и Игнатий Нивинский – впоследствии известный театральный художник, работавший с театром Вахтангова и сочинявший декорации к самой первой «Принцессе Турандот», 1922 года. Прежде чем найти свое призвание, он успел расписать отель «Метрополь», а также плафоны в доме 20, который, по тогдашней моде, сочетал все мыслимые стили, от античного до древнеегипетского и от ренессансного до готического.

Сама Поварская тем временем обрела совершенно парижский вид: ее полностью замостили, осветили и засадили липами, конку же проводить не стали: у здешней публики имелись собственные выезды. А вскоре тенистым и тихим улицам предстояло стать арендой событий, предопределивших весь ход истории XX века.

В 1905 году в театре Немчинова, стоявшем на углу с Мерзляковским переулком, затеял экспериментальную студию Мейерхольд – но тут же был вытеснен Советом рабочих депутатов.

Тогда подобное сорище казалось отчаянной затеей – даже депутаты не брались предполагать, что спустя каких-то 12 лет вся власть и вправду перейдет к Советам, а в аристократические особняки начнут перебираться наркоматы (у Сталина на Поварской было два кабинета – под номером 11 и под номером 52).

ЗАНАВЕС РАБОТЫ В.Э.БОРИСОВА-МУСАТОВА
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТАРУССКОГО ПЕЙЗАЖА.
МЕРЗЛЯКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 1

1913

События, произошедшие в год строительства «Дома на Хлебном»

Первая Всероссийская спортивная олимпиада состоялась в 1913 году. В соревнованиях впервые участвовали женщины, а летчик Петр Нестеров первым в мире выполнил мертвую петлю.

2 марта 1913 года в России впервые отмечался Международный женский день. В присутствии полуторатысячной аудитории прошли дискуссии о праве голоса для женщин, государственном обеспечении материнства и о дороговизне жизни.

Москва вместе со всей империей отмечала в 1913 году 300-летие дома Романовых. Слепок скелета динозавра, преподнесенный в дар Николаю II, до сих пор хранится в Палеонтологическом музее. Тогда же на московских зданиях появились флагодержатели в форме двуглавых орлов, пережившие 70 лет советской власти.

В 1913 году в Москве начали разрабатывать первые проекты строительства метрополитена. Центральный метровокзал должен был располагаться на Васильевском спуске.

Первый российский кинопродюсер Александр Ханжонков в 1913 году открывает на Триумфальной площади электротheater «Пегас», который, сменив множество имен, вошел в историю как «Дом Ханжонкова».

В 1913 году московские власти начали заменять газовые фонари электрическими, с лампами накаливания. Всего за год их было установлено около 5 000. Фонарные столбы заказывались в Польше.

29 мая 1913 года на Елисейских полях в Париже состоялась премьера «Весны священной» – балета на музыку Игоря Стравинского, для которого либретто и декорации писал Николай Рерих, а хореографию ставил Вацлав Нижинский. Постановку освистали, но импресарио Сергей Дягилев счел ее триумфом.

В творчестве Казимира Малевича возникает тема черного квадрата: в декорациях для оперы «Победа над солнцем» этот супрематический элемент означал триумф активного творческого начала над пассивными силами природы. Отсюда к 1915 году вырастет самое знаменитое полотно русского авангарда.

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОРОТ В ЖИЗНИ СТРАНЫ
И ЖИТЕЛЕЙ ДОМА №19 В ХЛЕБНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Большевистская художественная политика началась с дома 22 по Поварской улице: именно там хранились Тицианы, Ван Дейки, Тинторетто и Брюлловы князей Мещерских. Крупногабаритные шедевры конфисковали сразу (дальнейшая судьба их неизвестна), но оставалось спрятанное в портьеру тондо Боттичелли, которое едва не продали тогдашнему немецкому посланнику, графу Мирбаху, за полтора миллиона золотых рублей и выездную визу. Вмешалась ЧК: владелицу картины, Екатерину Прокофьевну, вызвали лично к Дзержинскому и поставили перед выбором: Боттичелли или жизнь. В итоге тондо осталось в Москве (оно и сейчас хранится в Пушкинском музее – правда, пониженное в звании до ученической работы), а княгиня вернулась в отведенную ей дворницкую, где с перерывами на Бутырку и Лубянку дожила до конца войны, давая уроки музыки на семейном рояле. Дочь ее, Екатерина Александровна Мещерская, успела застать перестройку и описать историю принятия декрета «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 года в заливчатских мемуарах.

Незадолго до декрета о национализации, в августе 1918 года, адрес «Хлебный, 19» внезапно замелькал в передовицах: здесь арестовали британского посланника Брюса Локхарта, которого обвинили в попытках захватить Кремль и свергнуть советскую власть в сговоре с французскими и американскими дипломатами, а также парой латышских стрелков, оказавшихся, впрочем, чекистами под прикрытием. Обитателю квартиры в Хлебном грозил трибунал и расстрел, но в итоге обошлось: полтора месяца Локхарт провел в заточении в Кремле, почитывая романы Уэллса, и в конце концов был довольно мирно выдворен; он сделает блестящую карьеру, во время Второй мировой будет руководить королевской контрпропагандой, доживет до 82 лет, заслужит посвящение в рыцари и опубликует захватывающие «Мемуары британского агента», где рассказчик предстает умницей, патриотом, а главное – жертвой обстоятельств. Взамен на своего эмиссара англичане освободили и вернули на родину советского посла Максима Литвинова – он станет наркомом иностранных дел. Любовницу Локхарта, Муру Будберг, то ли шпионку, то ли отважную авантюристку, тоже выпустили: после отъезда экс-посланника она устроится секретарем к Максиму Горькому и вскоре делается его гражданской женой, вернет пролетарского гуманиста с Капри на родину, а после смерти писателя уедет в Англию, где у нее случится бурный роман с Гербертом Уэллсом – тем самым автором, чьи книги она носила в передачах Локхарту. Для прочих участников этой головокружительной истории 1918 год закончится далеко не столь удачно: «заговор послов» свяжут с покушением Фанни Каплан на Ленина и сочтут основанием для красного террора.

Как бы то ни было, все эти легендарные фигуры задвигались по мировой шахматной доске в силу действия механизма, раскрутившегося в Хлебном переулке.

Тема дипломатических сложностей вновь зазвучала в 1923 году, когда бывшую Поварскую переименовали в честь советского полпреда в Италии Вацлава Воровского, который никогда здесь не жил и не бывал, а почести заслужил посмертно: его застрелил в лозаннском отеле белогвардеец Конради, тут же сдавшийся полиции со словами «Я сделал доброе дело!». На суде он так красноречиво рассказывал о гонениях на церковь, голоде в Поволжье и прочих последствиях революции, что был оправдан большинством присяжных; советская Россия в ответ порвала со Швейцарией и не восстанавливала с ней отношений до 1946 года.

Любая утопия стремится прежде всего взорвать устои: разумеется, этот чинный район с ее тихими переулками не давал покоя ни конструктивистам, ни модернистам. На месте снесенной в 1931 году церкви Рождества Христова в Кудрине появился Дом политкаторжан по проекту братьев Весниных, образцовый памятник конструктивизма, который, правда, пришлось совершенно не по вкусу суровым революционерам с дореволюционным стажем, для которых клуб строился. Впрочем, они недолго промучились с новым зданием – в 1935 году запретили и само общество.

Его место в 1943 году занял Театр-студия киноактера – он призван был обеспечивать общепольными занятиями артистов, не занятых в съемках в силу военного малокартинья, а заодно служил местом общих собраний для соседнего Союза писателей – здесь, в частности, 1 октября 1958 года исключали Бориса Пастернака, получившего буржуазное клеймо в виде Нобелевской премии.

Меж тем генплан 1935 года, который, несомненно, имели в виду братья Веснины, возводя свой клуб, предусматривал новую, широкую магистраль от Арбатской площади до Дорогомиловской заставы. Об этих планах вспомнили модернисты при Хрущеве – и в 1963 году появился Калининский проспект, он же Новый Арбат, отъезжий от Поварской ее историческое устье. Тогда же современность вторглась и в Хлебный переулок – в виде брутального Гнесинского института и его концертного зала.

Разрыв связей с арбатскими переулками окончательно превратил Поварскую и ее окрестности в заповедник, который естественным образом заполнился редкими и ценными обитателями: дипломатами, артистами, художниками и музыкантами.

Доходный дом Кальмеера по адресу Поварская, 20 изначально замышлялся как Дом Искусств – и каким-то невероятным чудом, невзирая на все потрясения, выселения и уплотнения, пророчество сбылось. В 1960-е годы в мансарде дали мастерскую Борису Мессереру, театральному художнику, женатому на поэтессе Бэлле Ахмадулиной. В гостях у этой пары пели Высоцкий и Окуджава, читали Вознесенский и Аксенов, выпивали Феллини и Тонино Гуэрра, блистали Майя Плисецкая и Родион Щедрин.

Постепенно окультурился и подвал: в 1987 году там поселилась «Школа драматического искусства» режиссера Анатолия Васильева. В двухсветном зале, выкроенном из бесхозных помещений, ставили «Шесть персонажей в поисках автора», «Иосифа и его братьев» и «Серсо» – легендарные спектакли, объехавшие впоследствии весь мир. В 2006 году, однако, театр выжили, и только в 2016-м собрались вернуть сцену ее создателю, уехавшему с тех пор преподавать во Францию.

Из окон бывшего особняка Шуваловых (Поварская, 30) доносится то гобой, то арфа, то виолончель, – его в 1950-е годы отдали музыкальному институту Гнесиных, который успел обзавестись новым корпусом, концертным залом и памятником основательнице, учившей Светланова и Хачатуряна. Конкуренты – Центральная музыкальная школа, – репетируют неподалеку, в Мерзляковском, а вокруг живут сплошные профессора Консерватории – до нее тоже 5 минут медленным шагом. Например, в деревянном особнячке по адресу Хлебный, 10 квартировал Николай Кочетов – преподаватель, дирижер и критик, в свободное от музыки время изобретший новый крепеж для красок: дружил он не только с Римским-Корсаковым, но и с прославленными живописцами – Серовым, Грабарем, Лансере.

Напротив Театра киноактеров, где теперь устраиваются пресс-показы Московского кинофестиваля, дышит воздухом в скверике бронзовый Михалков-гимнописец: гранитно-розовый жилой дом на углу отдан актерам, режиссерам и их родичам, обитали там и Михалковы.

Вельможная усадьба Долгоруковых-Соллогубов, ненадолго приютившая в 1918 году ВЧК, в конце концов стала Дворцом искусств и Высшим литературно-художественным институтом: там выступали Блок и Есенин, Цветаева и Пастернак, Эренбург и Алексей Толстой.

Институт, правда, прожил недолго, а его место занял Союз писателей, периодически сдававший углы нуждающимся – там, в частности, квартировал в юности поэт Роберт Рождественский.

Писатели постепенно заняли и соседнее строение – псевдоготический особняк князя Святополка-Четвертинского с головокружительным дубовым холлом, где в старину, говорят, водились приведения, после революции диспутировали члены Академии вольной духовной культуры во главе с Бердяевым, а ныне витают запахи церемонной реставрации ЦДЛ – Центрального дома литераторов – места уникального.

Это место по-прежнему верно себе: здесь неизменно тихо, чужие, кажется, не ходят, новые постройки инкрустируют в старинные ансамбли с ювелирной тщательностью, и время от времени натываются на сокровища – последний клад обнаружили три года назад. Хлебный переулок процветает в роли энциклопедии всех архитектурных стилей, от ампира до постмодернизма (последний можно наблюдать в мансарде дома 8). Иными словами, мало какое место в Москве интереснее считать своим домом.

Писатели постепенно заняли и соседнее строение – псевдоготический особняк князя Святополка-Четвертинского с головокружительным дубовым холлом, где в старину, говорят, водились приведения, после революции диспутировали члены Академии вольной духовной культуры во главе с Бердяевым, а ныне витают запахи церемонной реставрации ЦДЛ – Центрального дома литераторов – места уникального.

Это место по-прежнему верно себе: здесь неизменно тихо, чужие, кажется, не ходят, новые постройки инкрустируют в старинные ансамбли с ювелирной тщательностью, и время от времени натываются на сокровища – последний клад обнаружили три года назад. Хлебный переулок процветает в роли энциклопедии всех архитектурных стилей, от ампира до постмодернизма (последний можно наблюдать в мансарде дома 8). Иными словами, мало какое место в Москве интереснее считать своим домом.

АТМОСФЕРА РАЙОНА

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ КВАРТАЛА

MCMXIV

P

15 20

P

P

СТОН

СТРОИМ ПРОСТО

Пекарня Мишеля

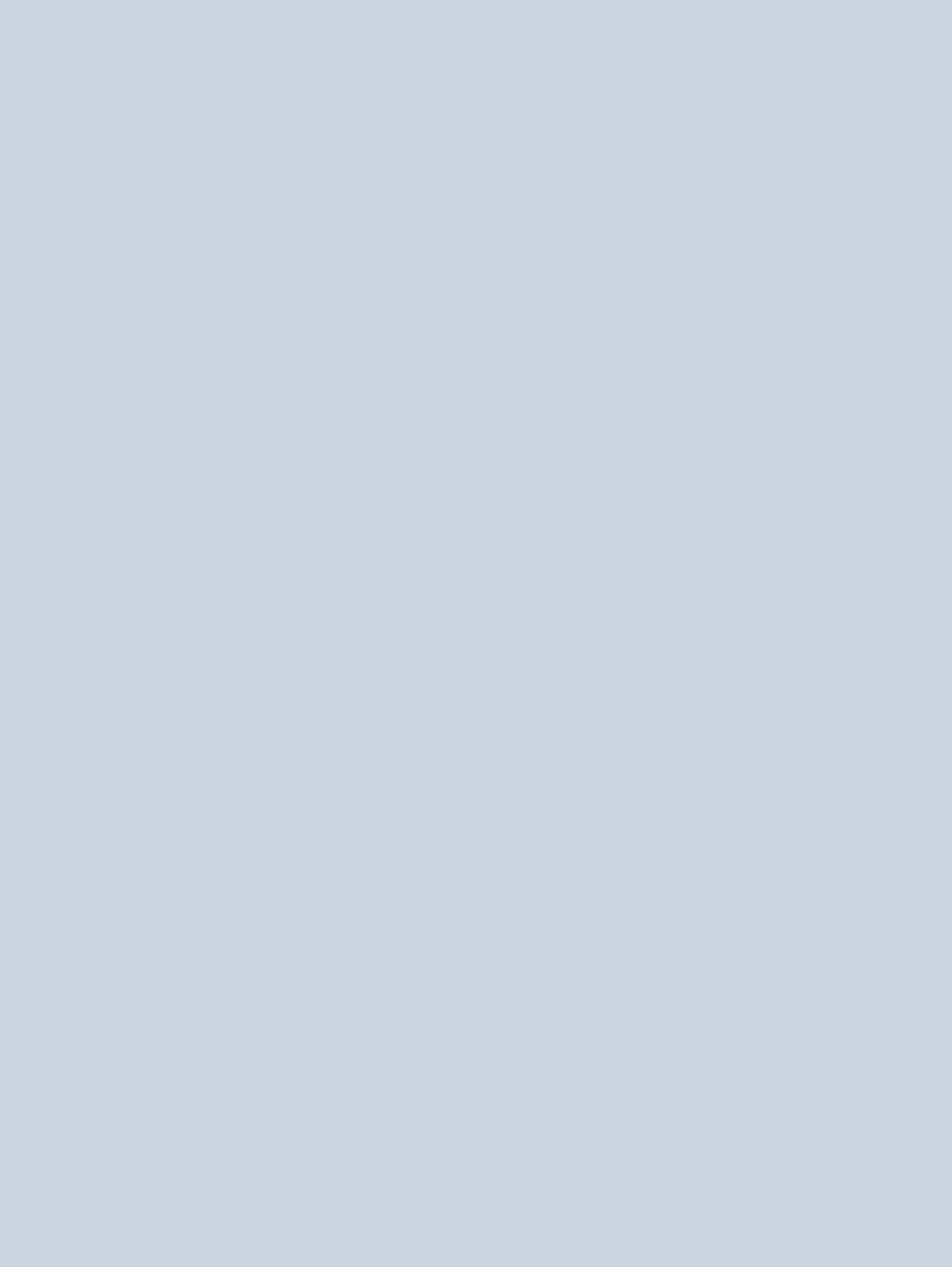

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ

ХЛЕБНЫЙ ПЕРЕУЛОК ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННОКОВ,
ЗНАЮЩИХ ОБ ЭТОМ МЕСТЕ ВСЕ

Павел Гнилорыбов

ОСНОВАТЕЛЬ ПРОЕКТА «МОСПЕШКОМ»
ИСТОРИК, РЕЖИССЕР

Как ни странно, при всем богатстве архитектурного наследия Москва в границах кольцевой дороги на добрых девяносто процентов состоит из домов советской постройки. В меньшей степени — из сталинских, а все остальные позиции занимают дома хрущевского, брежневского и позднейших периодов. Вместе с «растягиванием» пространства в наше время оказалось размытым само понятие центра города. Еще сто лет назад окрестности какого-нибудь «Сокола» или «Автозаводской» считались глухой окраиной, а сейчас мы воспринимаем эти районы как периферию «большого центра». Одновременно с этим умножалось число людей, заполнявших новые и новые панельные гнезда. Как следствие — внутри Садового кольца, чрезвычайно населенной местности, сейчас живет лишь несколько процентов москвичей. При таком раскладе, безусловно, растет ценность исторического жилья в живописном, древнем, зеленом переулке. Там, куда «спешит московская осень в порыжевшем дождевике».

Когда четверть века назад в Москве появился свободный рынок жилья, покупатели нацелились в основном на квартиры в «сталинках». Большая площадь, неплохое качество коммуникаций, выгодное расположение — дома этого периода считались добротными и отнюдь не лишенными архитектурного облика. Охота за «сталинками» привела к тому, что в городе стали появляться авторские повторения стиля пятидесятилетней давности, например, «Триумф-Палас».

— История любого из подобных зданий показательна и загадочна судьбой архитектора и заказчика, их взаимоотношениями, судьбой.

Почему именно сталинки? Дело в том, что доходные дома начала XX века были в основном заняты коммуналками. Первоначальная планировка огромных площадей в СССР чаще всего нарушалась. Покупатели предпочитали не расхлебывать плоды недавнего прошлого: не мучиться с объединением двух, трех, четырех, а то и десяти комнат в нечто целое. Лишь когда все лакомые сталинские квартиры оказались в новых руках, инвесторы обратили внимание на доходные дома – пожалуй, лучшее и самое комфортное жилье за всю историю Москвы.

В конце XIX века город столкнулся с тем, что никакие прежние типы жилья не подходили для пространства, подвергшегося стремительной модернизации. Дворянские усадьбы и трехэтажные дома не выдерживали конкуренции с миром трамваев и железных дорог. Цены на землю в центре «кусались».

Москва, как и другие европейские столицы, нашла выход из положения – город стал расти не только горизонтально, он начал устремляться ввысь. Доходные дома, во-первых, занимали компактную площадь, во-вторых, давали возможность приобрести квартиры в 200-300 квадратных метров, что обеспечивало потребности семьи среднего класса, в-третьих, были снабжены ванными комнатами, «ватерклозетами», паровым отоплением. Самым распространенным считался тип жилья с пятью комнатами, хотя в отдельных случаях речь идет, например, о 14-16-комнатных квартирах!

Строились такие здания заслуженными и известными архитекторами. На дворе бушевал Серебряный век, поэтому многие доходные дома украсились коваными лестницами, причудливыми орнаментами, мозаиками. До революции оставалось не так уж много времени, но вся Москва в 1890-1910-е годы в общем забыты спасалась украшениями и женскими масками. Строительный бум привел к тому, что на улицах города появилось около полутора тысяч доходных домов. История любого из подобных зданий показательна и загадочна судьбой архитектора и заказчика, их взаимоотношениями, судьбой жильцов. Доходные здания строились зубными врачами, молочными фабрикантами, министерствами и даже монастырями. Распутывать такие детективы чрезвычайно любопытно.

– Переулки Поварской это место, совершенно противоположное набившей оскомину Остоженке. На этой территории старое и новое не вступают в извечное противоречие, а ищут компромисс.

Пусть квартиры в доходных домах часто считались непомерно дорогими, таким путем обеспечивался стабильный социальный климат. Адвокаты, врачи, коммерсанты, артисты часто общались друг с другом, охотно ходили в гости к соседям. В общем, не ограничивали свой мир пределами лестничной клетки. Нам не хватает сейчас подобной открытости и осознания ценности простых человеческих отношений.

После революции большинство владельцев расстались со своим жильем отнюдь не по собственной воле. Дома всячески уплотнялись, свой изначальный характер они потеряли. Тускнела и обваливалась лепнина, исчезали изящные элементы в интерьерах подъездов, ветшали коммуникации. Лишь в 2000-е годы, после ряда удачных экспериментов по превращению фабричных помещений в лофты, инвесторы обратили свое внимание на пласт доходных домов. Многие из таких зданий превратились в офисы, что отнюдь не соответствовало первоначальному духу. Лишь единичные экспериментаторы (например, в районе Пречистенки) решились на возрождение прежнего назначения доходных домов. Они проводили бережную реновацию жилья и следили за тем, чтобы дом 1909 года постройки воспринимался как ценное, старинное жилье без «новодельного» привкуса.

Переулки Поварской – место, совершенно противоположное набившей оскомину Остоженке. На этой территории старое и новое не вступают в извечное противоречие, а ищут компромисс. Человек, купивший здесь квартиру, будет обречен на счастье. Да-да, именно обречен, если станет внимательно вслушиваться в Москву. Современное жилье может сочетаться с дружелюбной атмосферой патриархального района.

Попросту владеть квадратными метрами, согласитесь, скучно. Осознать внутренним камертоном историю окружающего пространства и собственного дома – бесценно. Окрестности Хлебного переулка дают

для этого большие возможности. Здесь сплелись особняки эпохи модерна и посиделки в Центральном доме литераторов, офицерские дуэли и фильм «Служебный роман», весеннее цветение лип и завораживающие дворники. Белла Ахмадулина, жившая в этом районе, писала:

Потом я вспомню, что казался мне
труд ожиданья целью бытия,
но и тогда соотносила
я насыщенность чудной нежности – с тоской
грядущей... А дом на Поварской –
немыслимым и неизбежным днем,
когда я буду вспоминать о нем...

Подобные строчки рождаются не просто так, ведь внутренняя гармония невозможна без комфортной внешней среды. Именно в Хлебном переулке история встретится с современностью.

Татьяна Воронцова

МОСКВОВЕД, ИСТОРИК, СПЕЦИАЛИСТ
ПО МОСКВЕ 1920-30-Х ГОДОВ, АВТОР
КИНОВЕДЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ ПО МОСКВЕ
«ПРОГУЛКИНО»

Район Поварской слободы стал первым, по которому я стала водить экскурсии. Здесь очень много мест связанных с кино. Вообще отыскивать в фильмах город – очень занятно. Обычно, мы следим в фильме за сюжетом, но ведь наша Москва – полноправный актер.

Это исторически очень интересный район, хорошо сохранившийся.

Когда столицу перенесли в Петербург, все дворцовые службы уехали из Поварской слободы, но район очень близко расположен к Кремлю, и его облюбовали дворяне – и Гагарины, и Шаховские, огромное количество знатных родов. Потом в XIX веке здесь стали строить роскошные доходные дома. А во время революции – Поварская была кратчайшим путем от пролетарской Пресни до центра города.

– Компактность, уютность, устройство этого района остались с дореволюционных времен. Поэтому эти места нравятся и мне, и людям, для которых я веду экскурсии.

В детстве я здесь часто бывала в гостях. И помню, как на пригорке у церкви Симеона Столпника зимой всегда гуляла местная детвора – дети катались на санках. Эта церковь, кстати, один из знаменитых киногороев, она мелькает в 18 фильмах, по моим подсчетам. В том числе «Иван Васильевич меняет профессию» и «Мимино». Этот маленький, почти игрушечный храм на фоне Нового Арбата очень любят режиссеры и операторы – такая московская, характерная картинка. Этакая многослойность – XVII век соседствует с веком XX. Церковь собирались снести в 1930х, но реставраторам и архитекторам удалось отстоять.

Это посольский район, сегодня в самых красивых особняках расположены посольства. И посольские работники очень трепетно относятся к этому наследию, реставрируют и бережно хранят. В дни культурного наследия любой, кстати, может прийти и поглядеть, что внутри.

Вот посольство Кипра (Поварская, 9) – это особняк середины XIX века, он принадлежал жене известного инженера Дункер. Его интерьерами частично занимался Михаил Врубель, но сейчас его работ внутри нет. До Кипра это было посольство Судана, и Кипру достались типичные советские интерьеры – линолеум, крашенные стены, обои советские. Ужас! Так вот они сами, своими силами, озадачились и насколько это возможно восстановили исторические интерьеры – рисунок паркетной кладки, подобрали обивку стен характерную для конца XIX века, нашли мебель той эпохи. Получилось здорово!

Здесь же на Поварской посольство Норвегии (Поварская, 7). И предыдущий посол Норвегии как-то в интервью с восторгом сравнивал этот особняк с королевской резиденцией под Осло. А для нас типичный особняк московский, каких много.

Вообще в этом районе масса любопытных архитектурных деталей. Нужно только поднять голову повыше и присмотреться. Вот например Поварская, 20, один из самых красивых здешних домов. Его проектировал известный архитектор Валентин Дубовской, и строил с авторским надзором – следил за всеми этапами строительства. Дом украшен барельефами на античный сюжет, керамическими элементами. Можно рассмотреть инициалы владельца – «И.К.», дом принадлежал адвокату Иосифу Кальмееру.

Вообще район Поварской, Никитских улиц – дорогим и престижным был всегда, поэтому и архитекторов звали не абы каких, а лучших. Практически каждый дом – какая-то история. И стилистика домов разная – рядом с неоклассицизмом появляется неоготика, а потом модерн.

Напротив верховного суда – тоже доходный дом (Большой Ржевский, 11), с колоннами, построенный в 1913 году, в 1922 в него въехали важные военные и здесь сразу появились такие чудеса техники как персональные телефоны в квартирах, например. На втором этаже жила с родителями третья жена Булгакова. Исследователи творчества Булгакова считают, что отсюда выстраивается полет Маргариты – тремя переулками до Арбата – Малая Молчановка, Большая Молчановка, Арбатский переулок.

– Вообще в этом районе масса любопытных архитектурных деталей. Нужно только поднять голову повыше и присмотреться.

Над парадной дверью висит знак – серп, молот, граната, противогаз и т.д. Такой знак выдавался дому, если все жители прошли учения осовиахима (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Помните в «Утомленных солнцем» люди в белых одеждах всех кладут на носилки и куда-то уносят. Это и есть учения освеохима.

На доме напротив (Большой Ржевский, 8 с2) загогулинка – это флагодержатель, по праздникам в него вставляют флаг. Этот – первый типовой российский флагодержатель. На самом деле это орел, хотя и не очень похоже. Их стали вешать в 1913 году, когда страна готовилась отмечать зоолетие дома Романовых. Этих флагодержателей отлили в Петербурге несколько тысяч штук и разослали по крупным городам. Уцелели они наверное как раз потому, что на орлов не сильно похожи.

Дом со львами – тоже культовый киногерой, здесь снимался фильм «12 стульев», «Девушка без адреса», «Офицеры». Этот дом всегда был очень известным, все его знали. Однажды мне удалось поговорить с женщиной, которая жила в этом доме с 1933 по 1977 год. Она рассказывала, что в доме была традиция – детей часто фотографировали со львами, стоящих рядом или сидящих верхом. Так вот в 1930-х годах на фотографиях львы были с щитами, похожими на те, что сейчас. А в 1950х львы сидят уже без щитов. Есть легенда, что во время войны жильцы решили сберечь символ дома – львов – и утащить их в бомбоубежище. Но нельзя было их оторвать от пьедестала не отколов щиты и попы. А в 1947 году, после войны, львов вернули, но без щитов. Потом щиты восстановили.

Сквера на углу Поварской и Ржевских переулков изначально не было. Но когда в 1970е снесли историческую двухэтажную застройку, жителям удалось отвоевать это место. Его называют бунинским – не так давно здесь появился памятник Бунину. Здесь же рос вяз долгожитель – ему было 300 лет, он был экологическим памятником. Он не перенес московской жары 2010 года и погиб. Остался только огромный пенёк.

Вообще в этом районе много старых деревьев. В 1912 году всю Поварскую засадили Липами в честь празднования 100летия победы над Наполеоном. Улицу даже называли Линденштрассе – липовая улица. А те липы, что потоньше высадили к 800 летию Москвы в конце 1940х.

На углу Малого Ржевского и Хлебного стоит один из моих самых любимых домов в Москве. Дом архитектора Соловьева. Сегодня это представительство Грузии. Сохранилось чудное керамическое панно, а в полуциркульных нишах стоят девушки – Соловьев говорил, что это музы, которые его вдохновили на проектирование – скульптура, живопись, музыка и архитектура. Совершенно незаметные сова и совенки в основании колонны. Барельеф с беззубым львом. Летучая мышь над почтовым ящиком. Масса прекрасных деталей. Еще здесь снимали «17 мгновений весны», эпизод, когда Штирлиц идет навещать радистку Кэт.

Справа от дома № 19 стоит тоже очень красивый доходный дом Тарасова. Его можно разглядывать бесконечно: мальчики, которые поддерживают цепи, примыкающие к балконам; барашки; античный сюжет с музыкальными инструментами, амфоры, орлы.

Кстати, у дома 19 есть корпус – 19 б. Он был построен в 1990е годы. И это очень удачный вариант пристройки. Если бы не цвет, нельзя было бы и сказать, что эти части дома были построены в разное время. Но пристройку выдает смешная деталь – маска римского воина на новой части выглядит очень комично, у него нос крючком. Совсем не мужественное выражение лица римского воина.

Напротив дома 19 – доходный дом, но он выходит фасадом в Скатерный переулок, а в Хлебный смотрит тыльный, дворовый фасад. И эти маленькие окошки – это кладовки. В начале XX века электричество еще было роскошью, поэтому оконца делали во всех помещениях – и в уборных, и в кладовках.

Вот этот деревянный домик – редкость для нашего времени (Хлебный, 6а). А всего их было, кажется, 4 таких в Хлебном. Однажды мне удалось поговорить с женщиной, которая жила в одном из этих деревянных домиков. Вот что она мне рассказала: «Наш дом пример городской усадьбы XIX века – одноэтажный деревянный особняк, предназначенный изначально для проживания одной семьи. Нас же проживало 8 семей. Высота потолка была 4,5 метра. При входе в дом располагалась большая кухня. Отопление в доме было печным. В каждой комнате была дополнительная голландская печь с изразцами. На первом этаже была большая ванная комната. Длина ванны была

3,5 метра. Узорчатая чугунная колонка, предназначенная для нагревания воды, никогда не работала, поэтому саму ванну мы использовали для хранения всякого хлама – чемоданов, коробок и старой мебели». В конце 1950х их расселили. А дома разобрали.

А Гнесинское училище, кстати, построено на месте церкви святых Бориса и Глеба. На училище сегодня даже есть памятная доска, но почему-то со стороны Хлебного переулка – церковь-то главным фасадом выходила на Поварскую. В 1930х была программа «На месте очага дурмана построим храм науки». И очень много школ поэтому стоит сегодня на месте снесенных храмов. Музыкальное училище Гнесиных в том числе. А кино «Приходите завтра» про Фросю Бурлакову снимался не на Мосфильме, а действительно в Гнесинке, училище в фильме показывают и внутри, и снаружи.

Дмитрий Ханкин

СОВЛАДЕЛЕЦ МОСКОВСКОЙ
ГАЛЕРЕИ СОВРЕМЕННОГО
ИСКУССТВА «ТРИУМФ»

В район бывшей Поварской слободы я попал в 17 лет. Сначала жил на Малой Никитской, а теперь живу на углу Мерзляковского и Скатертного, уже много лет.

Я полюбил это место всей душой. Это не Арбат, не Никитский, не Бронная. Это очень правильное, особое место. Здесь всегда селилась очень приятная публика. Например, в 1970-е годы, на Никитской построили 4 кооператива – большие кирпичные желтые дома. Они были плотно заселены богемой – актерами, композиторами, с подростками детьми которой я дружил в юности, да и теперь дружу с некоторыми.

И мне этот район до сих пор милее всего в Москве. В советское время в нем жилось забавно. Люди ловкие пристраивались кормиться в разного рода постпредских столовых и ресторанах. Завтракать ходили в эстонское постпредство в Калашном переулке, где были привезенные поездом из Таллина свежие молочные продукты. Отличный ресторан был при грузинском посольстве. Грузины кормили будь здоров – за 30 копеек можно было съесть огромный хачапури, обед – полтора рубля, за три же рубля накрывали обильный грузинский ужин, в мягко говоря, небогатой на гастрономические впечатления Москве это было место прямо выдающееся. И наливали там еще как. Своего вина, конечно. Я находился в постоянных коммерческих отношениях с поваром ресторана, которого звали то ли Сосо, то ли Резо, и меня там привечали.

– В советское время в нем жилось забавно. Люди ловкие пристраивались кормиться в разного рода постпредских столовых и ресторанах.

Хлебный – очень уютный московский переулок. Он милый, местами забавный, все в нем перемешалось, абсолютная стилистика Москвы. При этом, давайте смотреть правде в глаза, это роскошный район.

Вот на углу Хлебного и Малого Ржевского стоит самый красивый дом в Москве. Самый красивый модерн на свете. Посольство Чили. Английская готика построенная Романом Ивановичем Клейном для золотопромышленника Некрасова. Еще раз это повторено в доме Зинаиды Морозовой на Спиридоновке. А вот дом Грузинского посольства, напротив, несколько избыточен на мой вкус., хотя почтовый ящик в виде летучей мыши искупает это слихвой !

– Хлебный – очень уютный московский переулок. Он милый, местами забавный, все в нем перемешалось, абсолютная стилистика Москвы.

Напротив дома 19 любопытный дом – это первый кооператив ученых, 1926 года постройки, кажется. Я знавал одного мальчика оттуда. У него была грандиозная коллекция марок, невысказанные какие-то британские колонии. А поскольку я понимал в этом с детства, я смотрел на его кляссеры, открыв рот. Он человеком был не особо меркантильным, внуком какого-то академика. И был вообще во всех отношениях приятным московским мальчиком, и, до отъезда в Канаду, юношей.

Едва ли не единственный «реликтовый» московский двор остался в Хлебном переулке. Напротив, кстати, дома №19. С хоккейной коробкой, с деревянной голубятней заповедных московских времен. Это вот настоящий московский двор, засеянный летом милыми ноготками. Каким он был в нашем детстве и юности, таким и остался.

А еще в одном из местных дворов, я не помню где именно, в Скартном, кажется, тогда, в детстве, много лет стоял невероятной красоты шестиосный Норч немецкий на ходу. Серого цвета, с черными номерами, я хорошо помню эту машину. Мы ходили на нее смотреть.

В резиденции бельгийского посла со львами я бываю иногда на всяких бельгийских праздниках. Дом построили архитектор Великовский и братья Веснины. Те самые знаменитые конструктивисты, которые работали в бюро у Великовского. А я дружу с внуком Вели-

ковского. Велик – Дима Великовский, чудесный совершенно архитектор, человек с безупречным вкусом, и большой сноб, что меня с ним роднит, жаль, что редко видимся – заказчики Велика расплозились, не сказать разбежались, по всему миру и Велик, соответственно, ваяет им интерьеры на всех широтах.

Внутри этого дома сохранился интерьеры, а во дворе очень красивый сад со старыми деревьями. Москва ведь вся была такая – город садов и усадеб. Город был весь двухэтажный – большой первый этаж и мезонин. Весь! От Волхонки до Калужской заставы, и от Мясницкой до Сокольников. И постепенно Москва снижалась к дворянским гнездам. Это хорошо видно на примере Мясницкой. Да ведь и Пречистенка закрывалась на ключ. А потом шло Сучье болото и луг.

Чудесный дом № 6 в Хлебном. Вот она как настоящая Москва должна выглядеть! Это дом времен Александра III, 1880-е годы. Эта вот расшивочка кирпичная – прусская стилистика, казарменная. Дом был краснокирпичный, его потом уже покрасили. В моей юности это был жилой дом. В начале века в нем жил географ Анучин, основатель русской этнографии и этнологии, и кстати, создатель первого советского атласа. А в мое время там продолжала жить его какая-то дальняя родня. Я знавал родню и бывал в их квартире.

Это была гигантская академическая квартира во всей ее красоте. С бухарскими коврами и килимами, на стенах висело невысказанное какое-то оружие – то ли индонезийское, то ли турецкое, все в серебре. Стояла целая стена шведско-американских полок с книгами на всех языках мира. Под потолком висела настоящая люстра бронзовая модерновая с бисером. Люди понимали толк в жизни, знали, как должно быть. Московская жизнь – она вот в таком доме на три-четыре семьи, с двумя подъездами.

А маленький деревянный домик (Хлебный переулок, 6а) – тоже ведь настоящий старомосковский дом, с палисадом. Здесь жил в мое время какой-то известный московский коллекционер холодного оружия, не помню его имени. Я приходил сюда, когда он еще был жив, с моим приятелем Лешей Расторгуевым, преподавателем истории искусств из МГУ, посмотреть коллекцию.

В начале переулки стоит нынешний институт США и Канады – настоящий усадебный комплекс XVIII века, самый старый из всех в переулке. У него есть второй фасад, выходящий во двор, с круглыми екатерининскими окнами необычайной красоты! А со стороны Хлебного был сад.

Вообще Поварская слобода сторела вся начисто – вся деревянная была. И этот дом – едва ли не единственный, который как-то уцелел, его восстанавливали долго потом. Посмотрите какие чудные екатеринские колонны, коринфские!

Но лучший дом на этом переулке с другой стороны – резиденция исландского посла, а в прошлом дом военного атташе Германии Эрнста Кестринга. Сюда приезжала Любовь Орлова, у нее был роман с атташе, который в свете действовавшего тогда пакта Молотов – Риббентроп вполне себе поощрялся. Это очень трогательный особняк, настоящий московский послепожарный барский дом. А у входа стоят огромные клены, старые-старые.

Напротив новый корпус Гнесинки, его построили в 1970-е годы. Это такой модернизм брежневский, хотя я, скорее, склонен называть его этатизмом. Кстати, если вы пройдетесь по Парижу, по Лондону, Вене, Берлину где-то, вы найдете много таких домов.

Вообще здесь не стоит много брежневского, нет учреждений больших или чудовищного «элитного жилья» так называемого. Нет вообще никакой гадости. Это старые жилые московские места. Здесь нет ни ритейла, ни ресторанов, ни контор. Сохранилась старая застройка – это роскошь. И то, что Хлебный переулок такой зеленый, неудивительно – это все остатки старых садов, этим деревьям много лет.

Для меня роскошь этого района заключается еще и в местоположении. Сколько отсюда идти до Красной Площади? Из Хлебного переулка дворами – 8 минут бодрым шагом, 12 – не спеша. Это очень близко.

И, если летним утром вы выходите в Хлебный, смотрите на него чуть прикрывая глаза, чтобы срезать в створе переулка сталинскую высотку, вы не видите ничего, что оскорбляет ваш эстетический вкус.

– Сохранилась старая застройка – это роскошь.
И то, что Хлебный переулок такой зеленый,
неудивительно – это все остатки старых садов,
этим деревьям много лет.

Алексей Ганнушкин

ХУДОЖНИК,
ПРАВНУК ЖИТЕЛЯ ДОМА NO. 19
ПСИХИАТРА ПЕТРА ГАННУШКИНА

Мой отец с двух лет воспитывался в доме бабушки и бабушки – Петра Борисовича Ганнушкины и его жена Софьи Владимировны. У моего отца была прекрасная память, но выборочная – он, как ребёнок, впитывал в себя только то, что его интересовало. И он, конечно, все, что помнил про свое детство, мне рассказывал.

Их квартира в доме 19 по Хлебному переулку была типичная для того времени – 160 метров, 5 комнат. Квартира была на 5 этаже, занимала полэтажа. У Ганнушкина был кабинет с отдельным входом для пациентов. (Тогда все врачи принимали в том числе дома.) Квартира была устроена так, что пациент мог войти и уйти незамеченным – так было принято и в адвокатской практике, и в докторской. В кабинете стоял большой стол, довольно простой шкаф. Была кушетка в стиле купеческий модерн – такой диван с двумя валиками. Валики можно было убрать и положить человека в полный рост.

По словам отца, в квартире было три отдельных входа. Один в кухне – для кухарки, истопников, второй для пациентов и третий – общий.

У Петра Борисовича был шофёр Николай Трофимович. Даже я еще знавал этого шофёра, хотя он был уже очень старый. Он катал моего отца в школу и, к слову, приучил его к автомобилю. А когда Петр Борисович возвращался с шофером с работы, отец цеплялся на лыжах или санках крючком за машину, и Николай Трофимович, глядя в зеркало, чтобы барский сынок не повредился, тихо, тихо подвозил его по Хлебному переулку к дому.

– Квартира в доме 19 по Хлебному переулку была типичная для того времени – 160 метров, 5 комнат. Квартира была на 5 этаже, занимала полэтажа.

У Петра Борисовича было очень мало времени на детей – и на своего сына Лешу, и на внука Женю, моего отца. Он должен был лечить людей. А детьми с удовольствием занималась бабушка. Но иногда Петр Борисович говорил – «час ваш». И этот час он занимался Лёшей и Женей, чаще всего это была какая-то образовательная программа, они решали головоломки, играли в настольные игры, которых мы уже не застали. Одну, правда, я помню – дубовая доска, на ней были дырочки заполненные стеклянными шариками, одного или двух шариков на хватало, и нужно было от шарика к шарика перемещаться в зону противника. К сожалению, игра потерялась в переездах.

Кое-какие вещи, кстати, из той квартиры все же остались. У меня сохранились амперные часы, монокли, ручки. Правда неизвестно, были ли это ручки Петра Борисовича или Софьи Владимировны.

Отец рассказывал, как Петр Борисович заходил на кухню и задумчиво наблюдал за тем, как няня делает пасхальный кулич. Собственно говоря, он и сам не знал, как это делается, но его интересовала метода. И он спрашивал: «Куда уходит 40 яиц?». А она отвечала: «Петр Борисович, даже не 40 яиц, а 40 желтков. Куда? В тесто». Это мы сейчас привыкли покупать по 5 куличей. А тогда делали один большой кулич на всю семью.

На кухню отец сам допускался только на Пасху и Рождество. Ему разрешали принять участие в подготовке, раскатывать тесто, например. А так на кухню – нельзя.

Праздники тогда справляли довольно просто. Новый год, конечно, не отмечали. Справляли Рождество и Пасху. Причём в классическом стиле – игрушек было мало, в основном старинные. Софья Владимировна дарила Петру Борисовичу привезённые из Лондона или Германии дорогие портмоне, что-нибудь такое. А отцу как-то привезли ослика из Германии, еще мальчика, который потом достался мне. С настоящей шевелюрой, ручки и ножки у него были пластиковые, всё остальное матерчатое, набитое.

– На кухню отец сам допускался только на Пасху и Рождество. Ему разрешали принять участие в подготовке, раскатывать тесто, например.

А так на кухню – нельзя.

Няня, кухарка – хоть и были обслуживающим персоналом, но это были деревенские девушки, которые выросли прямо у бабушки и бабушки в доме, и они были уже членами семьи. Однажды, когда кухарка заболела, Петр Борисович послал её к своему товарищу терапевту с запиской: «Пожалуйста, посмотри, что-то ей не здоровится». Терапевт ее посмотрел, а кухарка попыталась ему вручить деньги за осмотр. Тот в резкой форме попросил ее убрать деньги и ушел. Она вернулась домой и у бабушки спрашивала: «А что это он? Я ведь ему свои деньги, честно заработанные предложила...». Бабушка ей объясняла, что так не положено. Если профессор медицины отправляет своему другу профессору медицины своего родного человека, а обслуживающий персонал был родными, было не то что не принято, было оскорбительно, предлагать деньги.

Отец показывал мне, как Петр Борисович интересно чинил карандаши. Обычно как карандаши точят? От себя. У Петра Борисовича был красный перочинный швейцарский нож, карандаш он зажимал между указательным и средним пальцами, грифелем к себе, упирал грифель в большой палец, и точил. Какая-то такая старинная манера. Однажды я встретил очень пожилого человека, который точил точно так же.

Софья Владимировна, моя прабабушка, была очень энергичной женщиной. Она была прекрасной пианисткой, дружила с сестрами Гнесиными. На легендарной «собачьей площадке» была эстрада, они устраивали концерты там. Есть даже фотография, где прабабушка с Еленой Гнесиной музицируют.

А еще бабушка болела диабетом и поэтому переводила книги об этом недуге с немецкого на русский и за свой счёт их выпускала. В России такой литературы не было, и диабет воспринимался как приговор.

Петр Борисович стал мужем Софьи Владимировны после того как она решила основать психиатрическую больницу, куда пригласила Ганнушкина работать. От Софьи Владимировны у нас была семейная пословица: «Если просить, то поучтивее, если требовать, то понастойтельнее». Это связано с такой историей – когда Софья Владимировна строила больницу, оказалось, что на участке нет ни газа, ни воды. Она поехала к генерал-губернатору и сказала: «Я купила участок, собрала людей, которые готовы построить больницу, но там нет ни газа,

ни воды, помогите». Она так попросила, что генерал-губернатор не мог отказать, он ей ответил: «Езжайте домой, все будет». На следующий день обнаружила на участке рабочих, которые копали газ.

Дело в том, что сын Петра Борисовича и Софьи Владимировны Леша был всего на три года старше моего отца, своего племянника. А отец моего отца, мой дед, Александр Гринберг, известный фотограф, был всего навсего на 10 лет младше Петра Борисовича. То есть мой дедушка младше моего прадедушки только на 10 лет.

Леша и Женя ходили в самую хорошую школу в этом районе, в переулок Ильи Обыденного. В этой школе учились все. Артём Сергеев, приёмный сын Сталина, он был другом моего отца. Здесь же учились Микояны, все 5 человек. Семён Микоян был в одном классе с отцом.

Школа находится прямо напротив церкви Ильи Обыденного. В нее было очень удобно возить детей из серого дома, дома на набережной, и из Поварской слободы тоже удобно. А крестили папу в церкви Симеона Столпника. Успели, потому что буквально через пару лет после этого ее закрыли.

Все друзья отца жили неподалеку. Самым близким его товарищем был Коля Иванов, сын архитектора архитектора Иванова, который строил дворцы в Крыму. Они жили в соседнем доме. А после войны папа и Коля вместе купили мотороллер «Вятку» и гоняли на нем.

Неподалеку, кстати, жила Фаина Георгиевна Раневская. Отец говорил, что в 1943 году его послали за чем-то с фронта в Москву, из Сталинграда. И в керосиновой лавке он вдруг увидел Раневскую. В лавке продавались куклы из чулка, набитые соломой, чудовищно раскрашенные. Фаина Георгиевна в очереди произнесла: «Я сказала своей соседке – будешь плохо себя вести, я тебе такую куклу куплю». А отец ответил ей: «Так давайте я ей ее куплю эту куклу». На это она ответила: «Ты что, хочешь, чтобы меня прокляли?».

Отец был учеником архитектора Ивана Фёдоровича Рербек. Он был не то что учеником, он был его секретарём. Бабушка пристроила его к секретарской работе в 16 лет. Иван Фёдорович жил в семье Козолуповых, струнников, профессоров Московской консерватории. Рербек был мужем Галины Семёновны, дочери знаменитого виолончелиста Семёна Козолупова. В их доме собирались такие люди, как Ойстрах, Коган, Фейгин, самые известные скрипачи. Там бывал Ростропович. Моей отец ни на чем не играл, он вообще был тугоухим и учился на архитектора.

– Отец говорил, что в 1943 году его послали за чем-то с фронта в Москву, из Сталинграда. И в керосиновой лавке он вдруг увидел Раневскую.

В квартиру в Хлебном никого не подсеяли, коммуналку ее не сделали, наша семья продолжала жить в ней до 1947 года. Мой прадед Петр Борисович умер в 1933 году, в 1946 году умерла Софья Владимировна. К тому времени Алексей Петрович Ганнушкин, сын Петра Борисовича, уже проявил себя как талантливый инженер-авиастроитель. Он стал заместителем Туполева. А мой отец вернулся с войны, женился на моей матери, и они поселились рядом, в Скатерном переулке. В одном с ними доме жил Александр Ширвиндт. Отец рассказывал, что Ширвиндт обслуживал всех старух и немощных в доме. Саша выходил без пятнадцати одиннадцать из дома, в этот момент открывались все двери и старушки кричали: «Саша, мне два кефира! А мне три хлеба...» и он, как осёл, всё это вечером тащил. Это чистая правда. Когда я был уже взрослым и мы встретили его на улице, отец спросил у него: «Ты всё ещё кефир носишь старушкам?», он ответил: «Нет, слава богу теперь этим занимается мой сын».

В ЦЕНТРЕ ЖИЗНИ,
ВДАЛИ ОТ СУЕТЫ

ВСЕ ГЛАВНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СОБЫТИЯ
ГОРОДА – НА РАССТОЯНИИ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Помимо старого доброго «Щелкунчика» под Новый год, в Большом в последнее время происходят удивительные и новые вещи: экспериментируют и в опере, и в балете. Одно остается неизменным: нет в Москве лучше места для платьев в пол, смокингов и бриллиантов.
Театральная пл., 1

ТЕАТР «ПРАКТИКА»

Лучший театр для знакомства с «новой драмой»: приятное место, эффектная сценография, бодрые постановки.

Большой Козихинский, 30

МХАТ ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Оплот советских драматических традиций, которые преподносятся как заветы Станиславского.

Тверской бульвар, 22

ТЕАТР НА МАЛОЙ БРОННОЙ

В 1970-х здесь ставил Анатолий Эфрос, в 1990-х – Сергей Женовач. Нынешний худрук Сергей Голомазов поддерживает на Бронной не бурную, но занимательную и достойную жизнь.

Малая Бронная, 4

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

Парадные концерты проходят в Большом зале, а всевозможные камерные фестивали случаются в Рахманиновском – он самый светлый и самый обаятельный.

Большая Никитская, 13/6

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В.И.ЛЕНИНА

Быть ученым и даже получать читательский билет совершенно не обязательно: с недавних пор по внушающим робость лестницам и таинственным хранилищам водят экскурсии. Показывают даже читальный зал №1, куда в прежние времена пускали одних иностранцев и академиков.

Воздвиженка, 3/5

В центре жизни, вдали от суеты

154

Дом на Хлебном

155

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОКА

Даже если самурайские мечи, иранские ковры и китайские туфельки вас не интересуют, в спроектированный Жиларди особняк Луниных заглянуть стоит – это один из самых элегантных домов XIX века, к тому же, во дворе стоит экспонат слона.

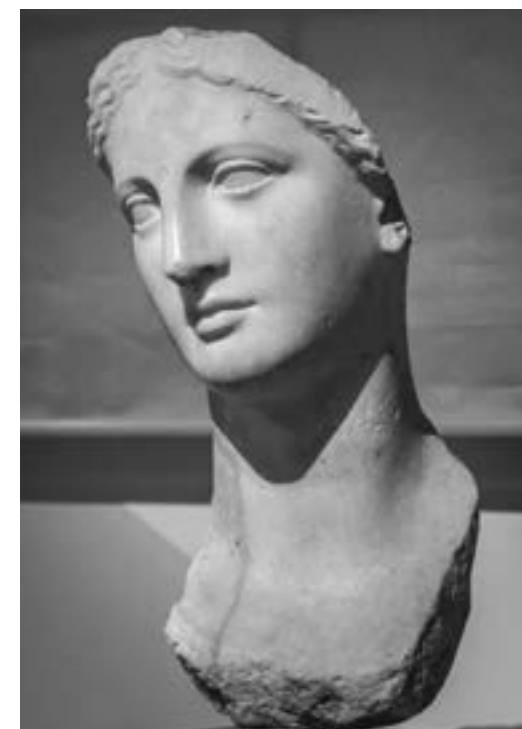
Никитский бульвар, 12а

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А.С.ПУШКИНА

В скорейшем времени Пушкинский музей должен превратиться в целый музейный квартал, где свое место будет и у импрессионистов, и у частных коллекций, и у Рембрандта, и у индейцев Амазонии, а разнообразный мультимедиа-арт впишется между всеми ними. Лучшая стратегия – купить карту друга музея и бывать здесь по-свойски, никогда не стоя в очереди.

Волхонка, 12

МУЗЕЙ АРХИТЕКТУРЫ ИМЕНИ ЩУСЕВА

Совершенно невероятная коллекция документов и артефактов, которой никто толком не занимается. Зато время от времени случаются хорошие выставки – например, про историю московского метро или про голландские сады.
Воздвиженка, 5/25

МОСКОВСКИЙ МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Здесь постоянно что-нибудь да происходит: не гравюры Эшера так сюрреалистические костюмы Бартенева, не молодые художники так мэтры шестидесятых. А в Музейную ночь можно в полной мере оценить гигантских скульптур, стоящих во дворах Гоголевского и Петровки.
**Петровка, 25; Ермолаевский, 17;
Гоголевский бульвар, 10;
Тверской бульвар, 9**

ДОМ МЕЛЬНИКОВА

Предмет культа: все западные архитектурные звезды, приезжавшие когда-либо в Россию, старались всеми правдами и неправдами проникнуть в дом Константина Мельникова или по крайней мере заглянуть в щелочку в заборе. С недавних пор памятник конструктивизма превратили, наконец, в музей: попасть внутрь все еще не так просто – нужно записываться на экскурсию – но вполне посильно.
Кривоарбатский пер., 6

КАРО 11 ОКТЯБРЬ

Из обычного мультиплекса «Октябрь» вырос почти до дворца фестивалей: помимо ММКФ, у которого тут главная площадка и красная дорожка, то и дело устраиваются киносмотрры поменьше – про искусство, про науку, про музыку, про независимых европейских экспериментаторов в целом.

Новый Арбат, 24

КИНОЗАЛ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЖУРНАЛИСТА»

Бывшая усадьба Гагарина, где Пушкин танцевал на балу с Натали, бывший Дом печати, где Блок, Есенин и Брюсов выступали перед публикой, ныне – кинозал с непредсказуемой, но порой занятой документальной программой.

Никитский бульвар, 8а

В центре жизни, вдали от суеты

РОМАНОВ СИНЕМА

Три маленьких и очень удобных зала, которые можно арендовать целиком, чтобы смотреть кино только с друзьями или вообще вдвоем.

Романов переулок, 4

КИНОТЕАТР «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ»

Кинотеатр 1909 постройки года взялась спасти компания, которая руководит «Пионером» на Кутузовском. Обещают новый эффектный дизайн, идеальное оборудование и все главные премьеры города.

Арбатская площадь, 14

